

Весці БДПУ

Штоквартальны навукова-метадычны часопіс.
Выдаецца з чэрвеня 1994 г.

306-2
13299

№ 1(79) 2014

СЕРЫЯ 1.
Педагогіка. Псіхалогія.
Філалогія

Змест

Галоўны
рэдактар

П.Д. Кухарчык

Рэдакцыйная
калегія:

А.І. Андарала
(нам. галоўнага
рэдактара)

С.Я. Гайдукевіч

А.А. Гіруцкі

Д.В. Дзятко

В.Г. Ігнатовіч

Я.Л. Каламінскі

В.А. Капранава

Г.Ф. Клімовіч

Л.А. Пергаменшчык

В.Д. Старычонок

Г.В. Торхава

Л.Н. Ціханаў

І.І. Цыркун

Педагогіка

<i>Андарала А.І.</i> ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ РЕФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В 1970–1990-е гг.....	3
<i>Цыркун И.И.</i> ИННОВАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА ПЕДАГОГА: СТРУКТУРА И ФУНКЦИИ	11
<i>Торхова А.В.</i> ПРОБЛЕМЫ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ВЗРОСЛЫХ.....	16
<i>Миранкова Е.В.</i> ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧАЩИХСЯ НА УРОКАХ ТРУДОВОГО ОБУЧЕНИЯ В НАЧАЛЬНЫХ КЛАССАХ.....	19
<i>Торхова А.В.</i> АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ.....	24
<i>Киселева А.В.</i> СПЕЦИФИКА ОРГАНИЗАЦИИ И ПРОВЕДЕНИЯ ЗАНЯТИЙ ПО ВНЕКЛАССНОМУ ЧТЕНИЮ С УЧАЩИМИСЯ С ОСОБЕННОСТЯМИ ПСИХОФИЗИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ	29
<i>Шорохова В.В.</i> ПСИХОСОМАТИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ШКОЛЬНИКОВ С ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ НЕДОСТАТОЧНОСТЬЮ И ИХ ВНИМАНИЕ	34
<i>Зубко Д.Г.</i> СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ ОБРАЗОВАНИЯ	38
<i>Андарала А.І.</i> ТИПОЛОГИЯ МОДЕЛЕЙ ПОДГОТОВКИ НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КАДРОВ В ВЫСШЕЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЕ БЕЛАРУСИ	42

Псіхалогія

<i>Солодуха Ю.М.</i> ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ОБРАЗ Я ПСИХОЛОГОВ НА РАЗНЫХ ЭТАПАХ РАЗВИТИЯ СПЕЦИАЛИСТА.....	48

Філалогія

Мовазнаўства	54
<i>Глазко П.П.</i> СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ПРОБЛЕМНО-НАРРАТИВНОГО ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ЭССЕ В АНГЛИЙСКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ.....	54
<i>Степанова О.И.</i> НАЗВАНИЯ НОЗОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ТЕОРИИ НОМИНАЦИИ.....	59
<i>Новикова Л.П.</i> КУЛЬТУРА РУССКОЙ РЕЧИ В БЕЛАРУСИ: ЯВЛЕНИЯ УЗУАЛЬНОЙ НОРМЫ И ЯЗЫКОВЫЕ ОШИБКИ В УСТНОЙ ПУБЛИЧНОЙ РЕЧИ (Г. ВИТЕБСК).....	63
<i>Тригук М.О.</i> СТИЛИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ В РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ОБРАЗА ПОВЕСТВОВАТЕЛЯ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ Т. ТОЛСТОЙ.....	68

УДК 81'38:81'367.625 Т. Толстая

М.О. Тригук,
аспирант кафедри культури речі
і міжкультурних комунікацій БГПУ

СТИЛИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ В РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ОБРАЗА ПОВЕСТВОВАТЕЛЯ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ Т. ТОЛСТОЙ

Одним из подходов к интерпретации художественного текста (ХТ) является стилистический анализ, при котором авторский идиостиль выступает как «система отношений» (по В. Изеру), как «код автора и читателя» (по Ю.М. Лотману), доступный участникам коммуникации. ХТ характеризуется наличием специфических текстовых категорий, оформляющих его повествовательную перспективу. Как считает В.В. Виноградов, «самые приемы и принципы отношения к языку художественной литературы и его оценки уводят нас в особую сферу стилистических категорий и понятий» [1, с. 113]. Одним из формальных, смысловых и стилистических центров восприятия ХТ является категория «образ повествователя». Читатель ХТ реконструирует его образ, отталкиваясь от реальности языковых знаков: «повествователь – это непосредственно стоящий за текстом... и непосредственно моделируемый текстом субъект речи» [2, с. 182]. В последнее десятилетие данная категория преимущественно анализировалась на примере отдельных языковых средств лексического и синтаксического уровней языковой системы; в меньшей степени затрагивались единицы грамматического уровня [3–6]. Между тем о важности изучения грамматических средств создания художественного образа писал еще В.В. Виноградов [7].

На наш взгляд, грамматико-стилистические особенности текста, доступные читателю при его первичном восприятии, связаны в значительной мере с реализацией категории «образ повествователя». По мнению А.В. Бондарко, функциональная направленность целостного текста, в частности повествования, «... определяет вероятностные закономерности выбора категориальных характеристик отдельных высказываний, в конечном счете – выбора тех или иных форм наклонения, времени, лица и т. п.» [8]. Как отмечает Е.В. Падучева, «в русском языке нарративный режим не располагает никакими особыми грамматическими формами; однако он проявляет себя многими другими способами, в частности, особыми значениями глагольных форм, как временных,

так и видовых» [9, с. 287]. Богатство возможностей в использовании глагольных форм и их значений является одним из основных способов организации повествования, с одной стороны, и чертой идиостиля – с другой. В результате глагольные формы выступают как значимый компонент повествования, обладающий потенциалом в выражении категорий ХТ, в частности категории «образ повествователя». Таким образом, целью нашего исследования является выявление стилистического потенциала глагольных форм в репрезентации образа повествователя. Глагольные формы рассматриваются нами с опорой на теорию функционально-семантического поля темпоральности [10–11], позволяющую системно выявить стилистические особенности в употреблении названных языковых элементов. В качестве иллюстративного материала послужили современные прозаические ХТ «Белые стены», «Частная годовщина», «Женский день» из сборника «День» Т. Толстой [12].

Общей особенностью анализируемых текстов является образ повествователя, выявляющийся в повествовании от первого лица. В «Белых стенах» повествователь концентрируется на двух событийных планах: план давнопрошедшего времени, связанный с аптекарем Янсоном, и план прошедшего, связанного с деятельностью семьи повествователя на даче. Точкой отсчета времени служит момент условного настоящего, в котором находится повествователь и относительно которого описываемые события являются прошедшими. В повествовании используются различные глагольные формы для оформления давнопрошедшего времени, отражающие неоднородность событий в нем с точки зрения повествователя. Событийная канва данного временного плана выражается формами перфекта в результативном значении: *Аптекарь Янсон в 1948 году построил дачу, чтобы сдавать городским на лето. И себе сделал пристройку в две комнаты, над курятником, с видом на парник.* Выступая в повествовательной функции, данные формы передают прежде всего содержательно-фактуальную информа-

цию (СФИ), расширяя временной охват действительности и создавая для читателя особую временную плоскость – план давнопрошедшего. Формы с перфектным значением могут выступать и как способ оформления содержательно-концептуальной информации (СКИ). Так, повествователь как адресант речи и персонаж приходят к одинаковому выводу: *Янсон рассеялся, распался, ушел в землю, его мир был уже давно и плотно завален мусором четырех поколений мира нашего*. Перфектное результативное здесь не только представляет действие как свершившийся факт, актуальный для более позднего временного отрезка, но и обладает яркой модальностью, подчеркивая необратимость событий. Кроме того, оно выражает причинно-следственные связи между событиями, так как их дальнейшее развитие обусловлено именно исчезновением Янсона. Нанизывание однородных членов усиливает данный смысл, фактически выводя его на уровень одной из смысловых доминант текста.

План давнопрошедшего также передается формами имперфекта, с помощью которых в речи повествователя выделяется длительность описываемых действий и состояний. Имперфект отражает одну из смысловых линий, характеризующую образ повествователя, – его стремление выяснить, что осталось от аптекаря Янсона и его мира. *Там стоял большой-большой сундук, наполненный до краев маленькими-маленькими пробочками, которыми Янсон собирался затыкать маленькие-маленькие скляночки*. Реализуя композиционно-стилистический потенциал, имперфект в конкретно-процессном значении расширяет временные границы, превращая ретроспективную позицию читателя в интроспективную. Нанизывание форм имперфекта как повтор одного грамматического значения подчеркивает точку зрения повествователя, который стремится увидеть следы существования Янсона в этом мире: *И уже подросли такие возмутительно новые дети, которые не помнили украденной любителями цветных металлов таблички «М.А. Янсонъ», не кидались друг в друга сотнями маленьких-маленьких пробочек, не находили в зарослях крапивы белый зонтик заблудившейся, ушедшей куда глаза глядят валерианы*. Частица *не*, употребленная перед глагольными формами, сообщает речи повествователя экспрессивную модальность, конкретизируя его ожидания.

Для обозначения отдельных событий плана прошлого используются формы настояще-

го нарративного, придающие экспрессивность речи повествователя: *Если разложить фотографии веером, по годам и сезонам, то видно, как бешено множится и растет чингисханова орда моих сестер и братьев, как дряхлеет собака, как разрушается и зарастает лебедой уютное янсоновское хозяйство*. Заменяя нейтральные формы прошедшего времени, вышеназванные формы выступают как стилистический знак присутствия образа повествователя. В сознании повествователя события, происходившие постепенно, сближаются, концентрируясь в одной временной точке. Кроме того, данными формами создается перспектива ХТ, и в результате сокращается временная и эмоциональная дистанция между событиями и их восприятием читателем. Настоящее нарративное вычленяет и ключевое событие в повествовании, в данном случае функционируя как способ воплощения СКИ, так как детализации этого события фактически посвящено все повествование: *...выходить вонь Михаилъ Августовичъ Янсонъ, шведъ, лютеранинь, мещанинь, гражданинь, аптекаръ...* Употребленные далее формы перфекта оформляют аптекаря как образ, связанный с прошлым временем и окончательно исчезнувший: *...Михаил Августович, про которого я ничего не знаю и теперь уже никогда, никогда не узнаю, – кроме того, что он закопал непонятное железное в саду, спрятал ненужное тряпичное на чердаке, укрыл недопустимое, невозвратимое под обоями спальни*. Расширенное настоящее не только охватывает не только некий условный момент, во время которого происходит повествование, но и достаточный отрезок прошлого, в то время как будущее совершенное не узнаю, обладающее модальным оттенком невозможности реального достижения результата, обрисовывает перспективу развития действия для повествователя как адресанта речи и персонажа.

При воссоздании плана прошлого в речи повествователя возникает план будущего времени, создавая иллюзию развития событий на глазах читателя. В этой функции в речи используются формы повелительного наклонения в оптативном значении (при неодушевленном существительном) и формы будущего совершенного 1 л. мн. ч., сближающиеся в значении с настоящим историческим: *Пусть, подумали мы, в том закуте, где отваливается от стены рукомоиник, где на полке стоят банки засохшей олифы и коробки со слипшимися гвоздями, – пусть там будет Версаль. А чтобы дворцовая атмосфера была совсем*

уж роскошной, мы старые обои отдерем до голой фанеры и наклеим наш помпадур на чистое. Благодаря данному стилистическому приему достигается эффект вовлечения читателя в повествование. В результате нарушения нейтрального стилистического употребления глагольных форм как знаков времени в ХТ образ повествователя становится «выпуклым».

Структура временного плана в «Частной годовщине» и в «Белых стенах» несколько отличается. Точкой отсчета служит некий условный момент настоящего, в котором находится повествователь. Особенностью текста является наличие плана будущего, связанного с деятельностью повествователя как персонажа. Вначале план будущего вводится повествователем лишь как гипотетический, возможный: ...никаких нет оснований **взять да и не отметить юбилей, пусть даже и некруглый, а просто годовщину**, – причем формы инфинитива, соединенные союзом *да и* в структуре осложненного простого сказуемого, обозначают действие как произвольное, обусловленное личной прихотью субъекта. Но далее у повествователя нарастает уверенность в определенном развитии событий будущего: **Отметим же чем-нибудь некруглую годовщину декабря 1991 года, дадим кому-нибудь то, чего ему давать не полагается! Кто как, а я свои годовщины отмечу: день, когда отец вернулся домой в 1991 году и плакал.** Отмеченные инфинитивы только ассоциативно сближаются с планом будущего, в то время как формы будущего совершенного конкретного единичного действия имеют значение будущего времени в качестве основного. Значимой является и перемена лица у глагольных форм в соседних контекстах: лишенные побудительного значения, в сравнении с формами глаголов 1 л. мн. ч., формы 1 л. ед. ч. выражают личное мнение повествователя, презентуя его не только как адресанта сообщения, но и как персонажа.

Ярче всего представлен в повествовании план прошедшего времени, эксплицируемый в речи повествователя значительным количеством имперфекта в неограниченно-кратном значении: *Строго, сдержанно выходила писательская семья за стол, **расправляла** салфетки на коленях, локти **держала** ниже уровня стола, медленно, ложкой **ела** куб холодной манной каши, облитый калорийным сгущенным молоком из готовой отпасть Риги.* Данное значение, усиленное повтором форм, подчеркивает экспрессивность повествования, создавая условия для формирования у читателя эмоционального образа прошлого.

В результате происходит стирание временных рамок, читатель погружается в прошлое и воспринимает его без четкой временной дистанции. В создании плана прошлого участвуют и формы перфектного результативного, выступающие как средство выражения СФИ текста: *Мы **вернулись** в Ленинград, а тут и мой отец **приехал** из Москвы с добычей: делегатам Российского парламента выдавали по шесть таблеток аспирина, но он **встал** в очередь два раза, и ему дали двенадцать, сделали вид, что не заметили, как он **схитрил**.* Прошедшее перфектное эксплицитно передает нарушения хода времени повествователем, перенося читателя в иную временную плоскость с собственной последовательностью описываемых событий. Нанизывание перфектных форм придает действию стремительность, динамичность, удерживая внимание читателя. Однако для анализируемого ХТ более типичным является эффект замедления событий и их детализации, достигаемый включением в речь повествователя обстоятельств действия: *Но у писателей были финские сани – вроде стула на полозьях, и мы **посадили** наших старых людей на сани, и **встали** сзади на полозья, и, отталкиваясь ногой, **проехали** несколько километров по улицам этого снежного поселка, среди занесенных сугробами, вымерших академических дач...*

В «Женском дне» точкой отсчета служит некий условный момент настоящего, из которого повествователь рассказывает о событиях собственного детства. В речи повествователя различными способами создается объемное представление плана прошлого. Точка зрения повествователя характеризуется статичностью на протяжении повествования, что передается постоянно-непрерывным значением имперфекта, ограниченного временной сферой прошлого в отличие от настоящего постоянного: *У нас дома восьмое марта **презирали**: считали государственным праздником.* Вынесение в абсолютное начало текста данного смысла подчеркивает его статус смысловой доминанты. Местоименная форма у нас имплицитно указывает на наличие противоречия между выражаемой точкой зрения и позицией других людей.

В сравнении с предыдущими данный текст обладает более яркой экспрессивной модальностью, что выражается и в употреблении временных форм. Доминантным грамматико-стилистическим средством, служащим созданию плана прошлого времени, становится настоящее нарративное: *Вдруг с криком, шумом, синим всплеском кто-то большой*

накатывается на меня потной волной, хватает, отрывает от карликового, мелко-веснушчатого Володи, тащит, волочит, выкрикивает, – швыряет меня на «середину»: выталкивает в особый, позорный ряд посреди зала, где стоят отпетые... Настоящее нарративное нейтрализуют ощущение временной дистанции у читателя, а в сочетании с местоименной формой *меня* формируют у него ощущение соучастника событий. Формы перфекта выделяют отдельные события в повествовании, являясь толчком к последующему развитию событий: ...мама заплела мне красную ленту вместо черной, моя мама – преступница, я – тоже, мы с мамой сокрушили основы, потрясли столпы, задумали свергнуть, подрыли, насмеялись, презрели. По мнению А.В. Бондарко [10, с. 98], при сочетании ряда перфектных форм возникает «пучок» одновременных состояний, придающий подчеркнuto квалифицирующий оттенок констатации состояния. Именно действия, обозначенные перфектным качественным, становятся причиной событий, вызвавших острую реакцию повествователя как персонажа и оставшихся в его памяти: *Ошеломленная, стою в позорном ряду с убийцами и растлителями... Красные от крика лица склонились надо мной, рты разинуты, – сквозь лебеду десятилетий не слышу, не помню, не понимаю слов... Сочетание на небольшом отрезке текста перфектного и настоящего нарративного подчеркивает противопоставление в восприятии собственных действий персонажем и его окружением, оживляя повествование. Расширенное настоящее не слышу, не помню, не понимаю в сочетании с указателем времени *сквозь лебеду десятилетий* способствует сближению повествователя как адресанта сообщения с повествователем как персонажем, преодолевая временную дистанцию.**

В речи повествователя, посвященной прошлым событиям, активно используются формы будущего совершенного, осложненные модальным значением возможности / невозможности, значимым для формирования смыслового пространства: *На праздники уроков меньше, но домой не отпустят: надо идти в актовый зал, где будет представление. И хорошо еще, если позволят просто сидеть на деревянных откидных стульях, прищемляющих то пальцы, то платье, – а ну как заставят выступать?* Пассивизация субъекта представляет повествователя как персонажа в качестве носителя чужой воли, а изъятие прямого указания на него при-

дает описываемой ситуации обобщенный характер.

Таким образом, глагольные формы можно рассматривать как устойчивый способ создания образа повествователя в ХТ. Наиболее явной репрезентация образа повествователя становится в случаях, когда глагольные формы приобретают особую стилистическую и смысловую функцию, изменяя свое грамматическое значение. Так, образ повествователя реализуется в особом способе представления плана прошлого времени читателю. Для этой цели в речи повествователя используется имперфект (он расширяет границы описываемого плана событий, создает у читателя детализированный образ прошлого) и настоящее нарративное (использование его форм позволяет избежать указания на временную дистанцию между событиями и читателем). За счет частотного употребления местоимений 1 лица происходит включение читателя в круг непосредственных участников событий. Значимыми являются формы будущего совершенного изъявительного наклонения, а также формы повелительного наклонения, создающие иллюзию плана будущего времени в повествовании о прошлом, что усиливает эмоциональную напряженность текста. Выявленные приемы являются стилистическим центром репрезентации категории «образ повествователя» и обладают значимым потенциалом в выражении СКИ текста. На периферии способов выражения категории «образ повествователя» находится перфект, реализующий в большинстве случаев СФИ текста. На наш взгляд, система глагольного употребления в рассмотренных текстах Т. Толстой репрезентует повествователя как образ, стремящийся сблизиться с читателем и вовлечь его в сферу собственного влияния через создание иллюзии отсутствия в повествовании временной и эмоциональной дистанции.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Виноградов, В.В.* О языке художественной литературы / В.В. Виноградов. – М.: Гослитиздат, 1959. – 654 с.
2. *Долинин, К.А.* Интерпретация текста / К.А. Долинин. – М.: Просвещение, 1985. – 288 с.
3. *Брайнина, Т.Д.* Ассоциативные связи слова как основа создания образа в произведениях Саши Соколова: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Т.Д. Брайнина. – М., 2006. – 216 с.
4. *Чугунова, Н.Ю.* Языковая структура образа рассказчика в жанре non-fiction: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Н.Ю. Чугунова. – Чита, 2011. – 159 с.

5. Анциферова, Н.Б. Образ рассказчика в современной дневниковой прозе: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Н.Б. Анциферова. – Чита, 2010. – 156 с.
6. Поспелова, Е.Г. Семантико-синтаксические типы и текстовые функции вставных конструкций дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Е.Г. Поспелова. – М., 2005. – 134 с.
7. Виноградов, В.В. О языке художественной прозы. Избр. тр. / В.В. Виноградов. – М.: Наука, 1980. – 360 с.
8. Бондарко, А.В. Лингвистика текста в системе функциональной грамматики / А.В. Бондарко // Русский филологический портал Philology.ru [Электронный ресурс]. – 2001. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics1/bondarko-01.htm>. – Дата доступа: 10.01.2014.
9. Падучева, Е.В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 446 с.
10. Бондарко, А.В. Вид и время русского глагола / А.В. Бондарко. – М.: Просвещение, 1971. – 239 с.
11. Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность / А.В. Бондарко [и др.]; под общ. ред. А.В. Бондарко. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1990. – 262 с.
12. Толстая, Т.Н. День: личное / Т.Н. Толстая. – М.: Эксмо, 2012. – 464 с.

SUMMARY

The article analyses stylistic and grammatical representation of literary image on the example of the image of the narrator in the prose in story collection "Day" by T/ Tolstaya. It describes the potential of verbal forms to create the image of narrator based upon the field theory. The article makes the conclusion about the significance of stylistically marked use of verbal forms as identifying factor of the image of the narrator.

Поступила в редакцию 05.02.2014 г.

РЕПОЗИТОРИЙ БДПУ